

*Эротическая сказка
для взрослых*

Нина Еперина

Принц Робэрт

Нина Еперина

**Принц Робэрт. Эротическая
сказка для взрослых**

«СУПЕР Издательство»

2019

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Еперина Н.

Принц Робэрт. Эротическая сказка для взрослых / Н. Еперина —
«СУПЕР Издательство», 2019

ISBN 978-5-9965-0467-1

Он мечтал о том, как приедет в свой дорогой, и очень им любимый Мисхор. Как пройдёт по, с детства обласканным, кривым его улочкам. Как встретят их родители, которых он не видел с тех самых давних, придавних пор. Как будут рады ему, единственному сыну, посланному судьбой. Как обрадуются его невесте, дочери, которая у них теперь появилась. Как приведёт любимую на берег Чёрного и такого единственно красивого во всём мире голубого моря. Как вместе уплывут они к горизонту по ночной, лунной дорожке, ведь Вероника так любит море, особенно ночное и предрассветное. Как будут жить счастливо и в Любви. Как будут познавать непознанное, чтобы догнать свои жизни недожитые и недолюбленные столько веков и поколений... Как родят себе сына, а потом дочь, а потом ещё сына..., а потом ещё одну дочь! И что б были они нормальными, настоящими людьми. И не надо им никаких золотых пиписек! Главное в человеке его душа! Вот она-то и должна быть по-настоящему ЗО-ЛО-ТА-Я!!! И честная, всегда, и во всём...

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9965-0467-1

© Еперина Н., 2019
© СУПЕР Издательство, 2019

Содержание

Часть наипервейшая	5
Часть, в которой всё и начинается	9
Часть, следующая за второй	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Нина Еперина

Принц Робэрт. Эротическая сказка для взрослых

*Наказуя, наказа мя Господь,
но смерти не предаде.*
(пословица)

Часть наипервейшая

В некотором Царстве, в некотором Государстве...

Ой, чё я вам тут рассказываю! Всё не так.

В некоторой удивительной стране, в простонародье называемой Совок, а по-другому Совдепия, жили да были муж и жена. Жили-поживали, кое-какого добра наживали. Ну, там, буфет, диван, холодильник и, даже, телевизор маленький, чёрно-белый. Ничего себе, типа такие. Нормально-совдеповские. Как все!

Как грится: «Какие Богу угодны, такие и пригодны».

Он был простой рабочий. Слесарь в автомастерской. Звали его, естественно, Иван. Она тоже была простая рабочая. Звали её тоже очень даже обыкновенно – Маша. Мария, то есть. А вместе – Ваня и Маня. Работала она в местной больнице обыкновенной санитаркой. Полы мыла. Ну и достаток соответственный имели. Он имел то, чего в карман сунут за халтуру, (за ремонт машины без очереди, то есть), а она – от судков из-под кровати по рублю штука, плюс с пустых бутылок. Понятно, что не сытно, но кое-как от получки до получки выживали. И даже почти не грызлись на ночь. А чё ругаться-то? Если душа в душу жить, вместе на работу, вместе с работы, вместе ужин под бутылочку, то чё ругаться?

Правильно народом сказано: «Удаётся и червячку на веку».

Удивительная эта страна, в то время, строила всем хором, вместе с ними, сначала социализм, потом взялася строить коммунизм, потом ещё чего-то строила, сама уже не понимая чего, догоняя и обгоняя загнивающий капитализм, о чём коммунистические начальники объявляла всему народу на съездах своей партии по радио и по телевизору. Они, кане-е-ешна, слушали, а чё делать, если по всем средствам связи один съезд передавали с утра и до вечера. Иногда, правда, попадались другие передачи. Ну, там, «Голубой огонёк» или ещё с пани Моникой «Кабачёк 13 стульев», назывался. Ничего, такое. Можно смотреть. Вот они и коротали вечера с бутылочкой и пани Моникой. Так себе и жили.

И дальше бы себе так же жили, но надоедливо вспоминалася большое семейное горе. Оно, конечно, давно вспоминалася и волновало, но по молодости лет не до того было, денежку копили на добро, а к старости ближе стало волновать и всё большее и большее.

Горе было в том, что не было у их детей. Ну, никаких. Ни дочери, ни тебе сына. «Живёшь – не с кем покалякать; помрёшь – некому поплакать», а под старость некому будет кружку с водой подать. Ну, и решили они завести себе дитё. Ну, хоть какое. А как его завести, если по нормальному, аж почти до сорока Маниных годков ничего не получалось? А тут вдруг Ваня и давай кожен день стараться:

«Попытка не пытка, а спрос не беда»! А вдруг!?

Маня, коне-е-ешно ра-а-ада, что Ваня готов выполнять и перевыполнять супружеский долг по многу раз, она тоже в этом процессе принимала очень даже деятельное участие. «Суе-тилась под клиентом», как народ шутил, изо всех своих сил, да и в аптеку бегала. По тогдаш-

ним временам уже проще с этим делом стало, всякие мази и таблетки появились, не то, что раньше, всё вручную, да вручную. В общем, проходит, таким образом, аж год.

Коротко только сказка сказывается, а дело оно такое – никак и никак. Оно, конечно, делается, но результат – ноль! Ну, наша Маня давай в панику вдаряться. Ваня, ка-ане-е-ешна, утешает, как может. Стали вместо одного бутылка вечерочком уже по два внутрь принимать в этих утешениях, но дело с места никак не сдвигается.

Во, блин! Невезуха... «Ты впрягать, а она лягать», эта невезуха...!

Как-то по весне, под вечер, забрела в их двор старушка. Маленькая, такая, смешная. А Маня в это время как раз бельё развешивала во дворе. У них двор был небольшой, но дружный. Трёхэтажка углом, хорошая, немцы пленные строили. Стены толстенные, и окна большие. А Маня и Ваня жили на первом этаже окнами во двор. Можно даже сказать, что, ка-будто, в своём доме. Маня за это и полюбила их двор, что всё время можно мордой в кухонном окне торчать, как грузинская «кекелка». Это так в Грузии засидевшихся в девках зовут, которые разнарядятся в пух и прах, и в окошке мордой торчат, и которым уже давно за...

Ну, как в пословице: «Когда помоложе, тогда рублём подороже», а когда уже «Старое мясицо, как не вари, – всё тянется»...

А под окном-то как раз скамейка – тебе, пожалуйста, и всё местное женское население со сплетнями во ртах. Мужики тоже имелись, но они чуть подальше, во дворе под кучкой деревьев обосновались. Там стоял стол со скамейками. Поэтому у их там клуб по интересам образовался. Что-то типа «пивбар-доминошно-карточная отрезвилка», правда, отрезвилка уже ближе к утру на старом колченогом диване под **дерьмонтиновой** обивкой, как шутил весь двор. Дворовые мужики были мирные, свои, без звёздных претензий. Тоже совдеповские выкормыши. В общем, двор как двор. Мужики молотили под липами костяшками, Маня тут с бельём, три соседки на скамейке и эта старушка забрела. Ну, все на неё и уставились – кто такая? А бабка так боком, боком, боком, шасть шустренько к бабам на скамейку и пошла тараторить, и пошла тараторить. А бабы уши развесили и слу-у-ухать. Маня к этому моменту с бельём уже разобралась и тоже к бабам подалась. С ушами. А старуха себе такую бредятину понесла, что бабы совсем рты распылили. Типа конец света на всех наезжает из-за горизонта. Дааа...

ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ!!!

Маня напротив встала, руки в боки вставила и себе тоже давай слушать. Интересно же. «На то и два уха, чтоб больше слушать». А если бы вам на странном шёпотке и непонятном языке про какой-то Космос, прочих инопланетян с других планет и конец свету какая-то бабка взялась непонятное рассказывать, аж в одна тысяча девятьсот восемьдесят первом году, в период Двадцать Седьмого Съезда Коммунистической Партии Советского Союза!!! когда светлые идеи коммунизма только начинали выскакивать из народных голов, вы бы что?

Вот и Маня тоже...

А-БАЛ-ДЕ-ЛА!!!

А тут ещё с утра по телеку, как раз Главный Коммунист товарищ Брежнев хлопал по плечу идеолога товарища Тихонова, который рассказывал всему совковому народу про достижения народного хозяйства, и строил государственные планы на ближайших пять лет. Там было всё понятно, а ту-у-у-ут... какие-то инопланетяне, которые явятся вдруг из Космоса, Маня даже в небо посмотрела, и объявляет на весь Мир про конец света. Так и хотелось спросить:

– А наша дорогая Коммунистическая Партия в курсе? Она это разрешила, или как? – но Маня промолчала. Ей показалось, что бабка эта какая-то подпольщица и к Партии СССРа никакого отношения не имела. Она, похоже, даже и к церкви тоже никакого отношения не имела. Наверное, сама была оттуда. Маня опять посмотрела в небо. Оно молчало.

А бабы как сидели с открытыми ртами и семечками в их, так и сидели. Но вдруг одна из соседок как будто проснулась и спросила неожиданно сама для себя:

– Бабу-у-у-уля. А ты это откуда зна-а-аешь? Может, ты и людям можешь чего предсказывать?

– А чего. – говорит бабуля – Могу и людям.

– А кому людям?

– А любим людям.

Тут Маню как-будто кто в зад шпынул. Она сразу вся вспотела и занервничала. Ей так захотелось про ребёночка чего спросить, аж сил никаких!

Я ж говорю: «Час придёт и квас дойдёт»!

– А мне вот можете предсказать? – дрожа голосом, спросила она.

– А как жаж! Могу и тебе, молодка. – сказала бабка, наклонила головку так набочек, и один глазик на Маню скосила с прищуром и юморком. Прямо не бабка, а веселушка какая. – А чего хочешь узнать? Про ребетёночка, поди?

Маня аж подпрыгнула вместе с пустым тазом, а соседки все как одна на неё вытаращились. Это была их с Ваней домашняя «военная тайна», и никто про это ничего во дворе не знал. Тем более бабы: «Только ласы точат, да людей морочат». Надо было чего-то делать и быстро. Маня хватанула бабку за руку и шустренько потащила домой. Ей никак не хотелось при бабах прямо во дворе говорить про сердешное...

Бабка, лёгкая как пушинка, и глазом не успела моргнуть, как уже у Мани за столом сидела на кухне с блюдцем чая в правой руке, и кусочком сахара в левой, а Маня стояла над ней, как утёс над рекой и делала глазами рентген на всё бабкино лицо. Лицо своё бабка держала вниз, и рентген выдавал нулевой результат, тем более, что на улице уже даже засмеркалось. Но, отглотнув из блюдечка с шумом чаю, вдруг подняла его и Маня тоже вдруг сразу криво села на стул, чуть не промазав мимо. Лицо-то у бабки оказалось шутливое, молодое, молодое и с огромными голубыми глазами, которые на лице были чужие, не с этого лица. Мало того, они казались озёрами, куда можно было нырнуть, потому что глаза были мокрыми, как вода, но не со слезами, а так какие-то... непонятные.

«Глаза по кулаку, а слёзы по палке», прям.

Маня, вся сразу занемевшая, сидела и смотрела в эти глаза без отрыву, а по спине у ней бегали мураши. Нет, не мураши. Крупнее. Тараканы какие-то прямо и щекотали за сердце. Мане показалось, что напротив неё сидит заморская красавица королева и тоненькими пальчиками держит блюдечко снизу. Потом она вдруг открывает рот и говорит девичьим голосом:

– Дорогая, свет Марьюшка!

Маня аж дар речи потеряла от такого. Это ж надо! Она знала, как Маню зовут! Прям, ну не скажи: «Не грело, не горело, да вдруг осветило». Тем более, что никто отродясь её так не называл, да ещё таким нежным голосёнком. Она сидела на краюшке стула одной половинкой и поэтому сутулилась. Ей неудобно было так сидеть. А тут вдруг вся выпрямилась, как кол в неё кто воткнул и совсем засерьёзнула.

– Я хочу вам помочь от всей души... – и озёра в глазах заплескались и заволновались, как рябь пошла по ним, или какая рыбина большая заиграла. – потому что вам действительно надо помочь в вашем горе. – грит она.

Глаза закрылись, вместе с волной, голос изменился до неузнаваемости и тихо, тихо зашепестел, как от ветра листья по траве осенние покатались, зашебуршали и стали втекать к Марье в уши и прямо в голову. Марья прям вся скукуёжилась и голову в плечи вжала, а сама глаза в бабушку-девушку вставила и вдруг видит, что та-то молчит и губами даже не шевелит, а голос в голове-то у Маньки бубнит себе и бубнит:

– Не пройдёт и года, как родите вы, Марьюшка, мальчонку. Мальчонка ваш будет не совсем как все. Он у вас будет диковинный. Необычный. И будет у него одна великая тайна, которую он разгадает только когда у него борода прорежется, а до того будет и сам дивиться и людей си-и-и-ильно удивлять. Но вы не расстраивайтесь. Это будет вам такой, как подарок

от судьбы. Выдюжите – подарок будет золотой, а начнёте дрожать душой, он может и гадюкой обернуться не только для вас, но и для всего Мира!!! Дааа... Такое вам испытание жизнь посылает во благо людей...

И вдруг растаяла прямо у Мани на глазах. Совсем растаяла, как и не было... Маня даже нутром задеревенела, вся прямо похолодела и тихо заскулила...

– Го-о-о-осподи! «Пророк Наум наставь нас на ум» – захотелось ей крикнуть громко.

Чего только на белом свете не бывает! Если бы кто сказал, Маня бы ни в жисть не поверила. Это же прямо невидаль какая-то при ясном свете дня произошла и прямо на глазах. Вот она и сидела на стуле, как кнопками пришипленная, даже не шевелилась. А тут и Ваня в двери нарисовался, конец смены. Он как Маню увидел, так и удивился. Сидит на стуле, как кукла какая, а не человек, и вся в одну точку глазами уставилась. Ужас, прямо.

«В голову не вколотишь»! – получается.

Он её тормошить, а она набок и завалилась, ели руками поймал. Ваня её на кровать отнёс, уложил, а сам в «справочное бюро» побежал.

А там бабы как сидели себе на скамейке, так и сидели. Болтали и дальше семечки грызли. Ну, Ванька к ним с расспросами, как да чего. А они все молчат, как воды в рот набрали и глаза отводят. Главное все три. Прямо удиви-и-и-ительно, даже. Он их тормошить, а они никак. А что с баб возмёшь, если: «У баб в голове реденько засеяно».

Он и к мужикам сбегал, на скамейку. Те давай про бабушку судачить. Типа к бабам приходила на посиделки, да Маня её домой увела. А бабы в отпор. Вроде не было никакой бабки. Мужики своё – была, а бабы своё – не было. Ванька бегал, бегал туды – сюды, аж надоело. Плюнул и домой пошёл.

Шёл и про себя ругался: «Наговорили, что наварили, а глядь – ан и нет ничего». А дома Маня в обмороке лежит и не откликается. Пришлось «Скорую» вызывать.

Приехала такая фифа, молодка в белом халате, и казённым языком заговорила, типа:

– Как себя больная чувствовала с утра, что ела, как спала?

Ну, Ваньке это всё не понравилось. Почему сразу больная? А потом, ему откуда знать про утро. Он аж с семи на работе, а Маня на кухне в корыте с бельём день валтузилась, у ей же работа сутки – трое. Выходной был. Они с утра и словом-то не перекинулись. А про чё с утра говорить? Чаю попил и шагай себе к машинам.

Ванька-то по жизни был: «Не криклив, да на дело правдив».

А эта фифа, как начала, как начала – подавай ей руки мыть, тазик, мыло, а потом к Мане в глаза полезла, в рот. Язык ей, понимаешь, за краюшек поддержи, да на бок поверни, пальцами по спине стучит, а сама чего-то слушает, вместо того, чтобы чего в нос дать нюхнуть. Так и уехала ничего не сделавши. Правда, в нос чего-то тыкала, а потом заявила про какой-то **литрагический** сон. Вот откуда он может быть, сами подумайте, когда в роте ни граммульки спиртного не было с самого утра...

А Маня как спала, так и осталась спать.

«И молебен пет, да пользы нет»! – как грится.

Ваня весь извёлся напроць, за то время пока она спала. А спала Маня це-ль-ну-ю ж не-де-лю. Без еды, без воды, без туалету. Даж на работу не ходила! Разиш такое бывает, чтоб человек цельную неделю мог не испражняться? А? Люди?

Часть, в которой всё и начинается

Прошла неделя и однажды утром Ваня проснулся от того, что по радио опять про съезд забубнели. Что-то про законы.

А Ваня про законы только и знал, что: «Хоть бы все законы пропали, только б людям жить не мешали».

А радио бубнит и бубнит! А этого ж не могло быть, ну никак. Он же это радио неделю как вырубил, чтоб не мешало. А тут оно заговорило и громко так! Ваня глянь – а Мани-то в кровати нету, он даже рукой пошарил, не поверил, и прямо как был голый, в трусах и без майки, так и выскочил на кухню, где оно на стенке висело. А там Маня сидит за столом и чай гоняет. Живая. Целёхонькая вся и от чаёв аж покраснела и вся вспотела.

Красива-а-а-ая... «Молодость не грех, да и го-о-оды не сме-е-ех»!

Ваня даж залюбовался. На лбу капельки из-под волос выступили, от окна свет их пробивает, а по краю лба кучеряшки мелочью золотятся и тоже наскрость видать. Притулился он к косячку двери и весь подтаял от радости. Баба его ожила! Его баба! Родна-а-ая!!!

Стали они дальше жить да поживать потихоньку и добра наживать помаленьку. Так проходит месяц, второй, третий. Однажды приходит Ваня с работы – а у Мани в зале стол накрыт, как для гостей. Тарелки с ножами и вилками, рюмки из буфету **хрустальные** достала, от пылуки помыла, на столе два салата, мясо, сыр нарезанный тоненько, огурцы, помидоры, а на дворе был, кстати, ноябрь, а не хухры-мухры, курица цельная жареная лежит, водочка запотевшая и даже **шампанское**!

Кабуд-то Новый год!!!

«Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад»! – это-то Ваня всегда знал, но тут... Ёшкин корень! С чего бы? А вообще-то... красотища-а-а-а!

– Ма-а-ань?! Вроде у нас ишо не получка. Или это у нас чево? В лотерею выиграли или государственный заем нам вдруг отдали? Я шо-то не понял!

– Ваня! Ни в жисть не поверишь! У нас маленький будет!

– Да, ладно. Не шуткуй!

– Ей Бо! Вот те крест! – и перекрестилась.

Если честно – Ваня такого, ну никак не ожидал. Маня, да и сам Ваня, отродясь и в церкву-то не ходили. Церкву из их голов ещё в пионерии и комсомолии выколотили. Они и креститься-то не умели. Что и осталось в головах от дедов да мамок, так это одни прибаутки да пословицы. Поэтому Ваня сразу поверил. Сразу. Раз, и поверил! Он как был в сапогах, так и прошёл к столу, прямо по ковровой дорожке. Прошёл, налил себе целую хрустальную большую рюмку и выпил залпом. Новость-то вона какая. Неожданная совсем...

«Этот почёт не денежкам в зачёт»!

Маня хотела зацыкать, но не стала, тоже к столу пошла. Они это дело хорошо отметили, аж до двух часов ночи. Даже песню пели про холостых парней из города Саратова. Манина любимая.

И потекли у них денёчки, когда Маня стала талией толстеть и закругляться, а Ваня приговаривать:

– «Худое видели, хорошее уви-и-идим»...

Долго ли коротко ли, но наконец-то наступил и тот день, когда Маня поутру схватилась за поясницу и громко заойкала!

На-ча-ло-ся!

Ваня суетился около, тоже держался за Манин живот, гладил поясницу, а потом побежал к бабам на скамейку. Хоть и утро ещё только наступило, а на скамейке уже заседали. Май всё-таки, тепло. Бабам бы толь языками почесать. Кого хошь переговорят. Ваня всегда удивлялся,

когда бабы со скамейки работали? Ну, завсегда они там. Особенно сейчас. Как ждали, прям. Понятно, завидовали. Лет-то Маньке под задницу, а тут Бог счастье подкинул. Многие отговаривали. Типа даун какой-то ненормальный может быть, поэтому сначала про аборт трындели, потом советовали не брать. А как можно своё дитё из роддома не брать? Полный же песец!

Бабы сразу тоже заохали да заахали. Кто куда побежали. Кто «Скорую» вызывать по телефону, кто своими глазиками на Маньку глянуть. Как её, бедную, крутит да корёжит от боли. Бабы они тоже все разные и не все с душой. Некоторым прямо в кайф чужая боль. Как шоколадка, прямо! «Бабы да бес – один у них вес».

Пока «Скорая» ехала, на кухне у Вани целый консилиум собрался. Кто чё городит. Эта grit – надо лежать, другая – надо стоять, третья grit – ноги надо сжать, чтоб какие-то воды не выскочили раньше времени, пятая – надо ходить. Ваня слушал, слушал, ничегошеньки не понял про воды и в залу пошёл. Какие в животе могут быть воды, когда там евонный ребетёночек сидит!

Наконец приехала целая бригада. В этот раз сурьё-ё-ёзная женщина Маню щупала, щупала, меж ног у ней всё чего-то глядела, глядела, а потом санитарам приказала на носилках выносить, а то эти воды какие-то выскочут. Ваню она соизволила в машину взять, но сначала носом покрутила. Типа мужик сделал своё дело, а теперь дома сиди. А как можно дома, когда тут роднулечка дорогая и ребетёночек при ей.

– «Холостой охает, а женатый ахает»! – хотелось вставить Ване этой дохтурке назло, но некогда оказалось – Ваня всю дорогу за Манину руку держался, потому что ему самому сильно страшно было, чем это всё закончится? Маня-то вся изводилась, корчилась и иногда даже кричала на всю машину. Наверное, и, правда, больно ей было. Но Ваня чего мог? Ничего...

В роддоме Ваню бортонули. Типа – иди домой. А какое домой? Домой. Да. Сча-а-ас-с-с!!! Ваня у их в приёмном покое устроился на кожаную кушеточку и трезвомысляще громко заявил, что его отседава можно скovyрнуть только, если он станет трупиком. Санитарки побухтели, побухтели на его большую фигуру, но отвалили с такими кислыми мордами, как-будто Ваня у их дома на плюшевом диване в сапогах грязных развалился. Таким вот Макаром он на этом диване и полдня проторчал, и целую ночь. Представляете! Только совсем утром, когда стало светло, Ваню разбудили и к Главврачу отправили.

Ванька дрейфил, канешна, но «Таково дело, что надо идти смело»...

– Э-э-э-э-э... Понимаете, какое дело... – начал мямлить Главврач, расхаживая по кабинету и составя пальцы домиком друг в дружку перед своим носом. Ваня сразу же испужался всмерть. Что-то с Маней случилось, факт. Иначе, зачем он тут пальцами такую фигуру нарисовал? – Случай у нас с вами наиредчайший!!! За мою практику такого ещё не было. Я даже и не знаю, как вам это всё сказать... М-м-м-м-м... Может быть даже вызвать врачей из Москвы или даже из Международной организации, только вот не знаю какой? М-м-м-м-м... Я очень растерялся, очень... М-м-м-м... Никак не пойму к чему всё это... М-м-м... В моей практике первый раз... А я принял своими руками несколько тысяч младенцев... – он поднял палец вверх и потрёс им. – М-м-м-м... Но такого... М-м-м-м-м... – он сделал губами домик.

Ване стало нехорошо. Ходит тут сюда, туда и мычит. Хоть бы чего сказал! Живая Маня или, может, померла? Ване аж поплохелось! «Без жены, как без шапки, доброю женою и муж честен»! И что там могло стать с ребетёнком? А он ходит и мычит...

– Слушайте, доктор! **Ты**, тут, понимаешь, кончай мне маячить и мычать! Что? Маня померла? Так и скажи, а не мычи! Как грят: «Зачать – не то, что кончать. Легко зачать – родить трудно»!

– Да не-е-е-ет! Да нет! Что-о-о-о вы...! С роженицей всё в полном порядке. Она себя прекрасно чувствует. Для поздней первородки роды прошли на удивление отлично. Даже без кесарева сечения. Родила сама. И воды во время отошли, и потуги с нормальным интервалом

и младенец шёл головкой без всяких патологий... Удивительно... Удивительно... М-м-м-м-м-м-м...

– «Вот тебе раз, другой бабушка даст!» – аж чуть не подавился Ваня. – Да что там такое у вас удивительно? Вы мне скажите или надо **из тебя** клешами вытягивать? А?

– Да, да! Да, да... Всенепременно... М-м-м-м-м... Да, да...

– Доктор! Слушай! Я вас сейчас точно покусая! Ты мне что тут финтишь? А? Что? Ребёночек помер?

– Да нет! Да нет! Да нет! Ребёночек жив и здоров! Очень даже здоров! Мальчик! Поздравляю! Большой! Пять килограмм и триста грамм... Да-а-а-а... Большой... Даже слишком...

– Тогда в чём дело? – аж взревел Ваня.

– Э-э-э-э-э! А дело, собственно, в том, э-э-э-э, что младенец несколько необычен! Да-а-а... Совсем знаете ли необычен... Да-а-а-а-а...

– Доктор! Шо-о-о-о-о, **негр**? – у Вани под желудком образовалось безвоздушное пространство и его аж затошнило. Ну, Ма-а-а-аня! Ну и устроила ему... Точно в больнице... И вдруг представил всё «справочное бюро» со скамейки и их выражения на мордах! Во, для баб будет кайф! Да-а-а-а!!! «Зачеешь тут затылок, коли вылудят бока!»

– Да не-е-е-ет! Да нет! Ну что-о-о-о-о-о вы! Какой негр. Нормального цвета ребёнок. Беленький, пухленький, глазки голубые, как у вас, волосики беленькие и уже с кучеряшками. Вылитый папа или мама.

От таких речей у Вани заклохтало в грудях и тепло разлилось по всему его организму. Это ж совсем другое дело, а не то что: «Умами не раскинешь, пальцами не растычешь!» И в голове тут же забегали сладкие представления, как он всему двору мальчонку демонстрирует, хвалится и все его по головке с кучеряшками гладят, гладят, а бабы аж слюну пускают от зависти. А мальчонка смеётся, два зуба кажет, в красном комбинезоне с полосками и мехом по краю. Краси-и-ивы-ы-ый! Словами не описать, какой красивый... Ванька даже глаза прикрыл от такого удовольствия.

Хотя народ правильно грит: «На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко.» Но это ж ещё всё впереди... Так ведь?

– Только вот, э-э-э-э, знаете... Он несколько необычный... Да-а-а-а... М-м-м-м... Пожалуй, я вам лучше его покажу...

На двери висело объявление, что в эту палату никому нельзя заходить, но на Ваню надели белый халат, шапочку, марлевый намордник и завели. Дети лежали, как кульки с покупками в рядочек и сопели. Некоторые крутили головами и красными личиками. Личики были красные у всех и какие-то раздутые, диковенные. Ванька раньше ж такого не видал! Может потому, что их туго заматывали? Прямо по пословице: «Это диковеннее кукушечьего гнезда»!

Главврач провёл Ваню в угол. Там на отдельном столе тоже лежал младенец. Он смотрел по сторонам кругленькими голубыми глазками, сучил ручками, не спал и не плакал. Лежал и смотрел. И всё.

Они остановились около него, и Ваня понял, что это и есть его сыночек. Его родненькая кровиночка. Ласточка долгожданная. У Вани часто забилося сердце и всё внутри умилилось от счастья. Он и не думал, что увидеть такой масенький кулёчек с глазиками будет так радостно и приятно до обалдения. Ваня чуть не заплакал. Но...

Чтой-то счас покажут? Хотя «За показ денег не берут»! – подумалось...

Врач молча стал разворачивать кулёк. За спиной столпились сестрички и другие врачи. Все чего-то как бы ждали. Чего? Ваня не понимал. Но все стояли плотно сзади и даже не дышали, как будто ребёночек был из хрусталя. Ваня тоже затаил дыхание, поэтому к горлу подкатил комок, и никак не сглатывался слюной. Врач почти развернул младенца и перед самой последней пелёнкой посмотрел Ване в глаза очень как-то пристально. Ваня совсем занервничал...

Наверно у него ножек нету. – подумал он и зажмурился.

– Да, смотрите же! – приказал врач, а толпа вокруг шумно выдохнула воздух. Одна санитарочка даже вскрикнула, непонятно почему. Ваня открыл один глаз, потом второй..., вроде всё на месте, и ноги были две, обе, и на том месте, где надо, над ними было толстенькое пузико с остатками пуповинки, а под ним...

Ваня помотал головой от неожиданности. Он такого и представить себе не мог даже в самом кошмарном сне! «Как подумаешь умом и головушка кругом»!

Пися у мальчика была **зо-ло-та-я!!!**

У Вани отвалилась челюсть. От такой неожиданности он даже сдёрнул намордник. Да-а-а!

– Вот видите сами... – главврач развернулся к Ване и опять уставился двумя глазами сразу. – И что с этим прикажете делать?

А Ваня откуда знал, что с этим делать? Вот вы сами подумайте, ежели бы у вас такое, вы бы что, знали, откуда и чего теперь делать? А? И Ваня прихерел и выдал с перепугу:

– «Здравствуй я, да ещё и ты, милость моя»!

– Скажите-ка мне. – сурово сдвинув брови сразу же стал говорить врач почему-то злым и толстым голосом. – Как у вас в семье с наследственностью? Как со спиртным? И вообще. Может это врождённое?

– Не-е-ет! У меня ж норма-а-альный! Нор-маль-ный! Хотите, покажу? – Ваня стал растёгивать пояс прямо при всех. – «Кто о чём, а мы о своём»!

– Ну что вы! Ну не здесь же – Врач нахмурился. – Я вас спрашиваю о врождённых патологиях. Вы меня понимаете?

– Доктор! Не-е-е-е! Заразиться этим я никак не мог. Я даже Маше не изменял! И у нас во дворе ни у кого такого нету. Я никогда не видел и не слышал. Может если Маня, жена моя, в больнице чего подхватила? Там же в больнице больные...

– Вы меня не так поняли. Я ведь сказал не заражённое, а врождённое. От дедушек, бабушек. Ничего такого ни у кого не было? По вашей линии.

– Я ж грю: «Не сам ковал, такого Бог дал...»! А насчёт линии, у нас на нашей линии, по улице Пушкина, автобус сорок второй ходит, и третий трамвай, тоже не слышали! ...

– Бо-же-ж мой! Как можно с таким праздничным народом разговаривать! – всплеснул врач руками и заговорил своим, тонким голосом. – Я вас не про трамвай! Я спрашиваю, у вас в семье ничего такого не было?

– Не-е-е-е-е... – Ваня поморщил лоб. – Я чтой-то и, правда, не слыха-а-ал... Доктор! «Княгине княжна, кошке котя, а Катерине своё дитя»! – Ничего другого путного на ум ему не приходило. Думать вообще не хотелось. Хотелось смотреть и смотреть на невидаль, а не врачу в глаз. Он заглянул за плечо Белого халата, а вдруг там что-то поменялось? Но там так же молча лежал его миленький сыночек с золотым крантиком, теперь он сучил уже и ножками, и смотрел по сторонам. Вот невидаль-то какая!

– А-а-а... можно я у-у-у-у него это потрогаю? – тихо спросил Ваня у врача.

– Во-о-от, видите? Видите!? Тут феномен всех веков и народов, а ему потрогать. Понаделают по-пьянке, сами не знают чего, а мы тут руками разводи...

Врач и, правда, всплеснул руками, закатил глаза к небу и быстро выкатился из детской, приговаривая что-то громко на ходу и на всю палату.

Ваня не понял! Понял он только то, что они с Маней сделали мальчонку по-пьянке. Почему по-пьянке? Какая же это пьянка, когда всего одну бутылочку на ужин, ну две. Это же, как примочка к заднице. Вон мужики во дворе так наприкладываются, что на дерьмантиновый диван летом цельная очередь. А они с Маней по-мирному. Дома.

А пацан лежал себе и лежал, глядя в потолок. Ваня подошел поближе, наклонился и стал внимательно рассматривать писюн.

Интересно, а это у него работать-то будет? – вдруг подумалось ему. – А то может эта штука нерабочая и помрёт мой мальчик. Может поэтому он так смотрит на меня?

Ребёнок и, правда, вытаращил круглые глазёнка на Ваню, как будто узнал в нём своего родителя и вдруг засмеялся. Ваня чуть не подавился собственной слюной!

«Ребетёнку-то всего как один день, а он уже смеётся! И что-то они ещё будут говорить про пьянку. Наверно, тоже завидуют. У него вона, какой сын! Всем сынам сын! А этот доктор руками тут плещет! Ещё бы ногами поплескал! У нас и мать и отец, что надо! – гордо подумал Ваня, – «Не тебе одному под святыми сидеть». – так и хотелось громко сообщить этому докторишке прямо в его лицо!

Ваня протянул, таки, руку и потрогал это золотое чудо. Оно было как обыкновенное, как у всех и даже тёплое на ощупь. «Бог полюбит, так не погубит, тот не унывает, кто на Бога уповает»! Ваня пощекотал сына пальцем по животику и вдруг получил мощную струю прямо в морду, а ребёнок засмеялся громче. Все кто стоял за спиной у счастливого отца вытянули шей и ждали чего-то. И они дождались. Ваня развернулся к ним и счастливо сообщил:

– О-о-о-о-о! Работает! Он им даже пише-ет!!! Во-о-от!

Весь зрительный зал с персоналом дружно засмеялся и захлопал в ладошки. Дети заплакали, а в детскую вкатился Главврач и зашикал на всех, но вдруг увидел Ванино счастливое и мокрое лицо, с которого капали капли и спросил строго:

– Что здесь у вас происходит?

– Доктор! Он у него настоящий! Он им даже писеет! – Ваня потыкал за свою спину пальцем в пацана и понял, что плачет от радости! Слезы текли по его лицу и тоже капали на пол. Он потрогал их языком, они были солёные. Как и сынулин подарок.

«Во как интересно! Одинаковые на вкус! А я никогда об этом не задумывался! – мелькнуло у Вани в голове. – Слава Богу! «Нам грешным и ветер-то встрешный»!

– Та-а-ак! Папаша. Прошу за мной. Ребёнком пускай занимается персонал. А нам надо кое-что обсудить. – врач встал бочком, отключил свой зад, полусогнулся и обеими руками указал на дверь. Ваня вытер рукавом лицо и пошёл из палаты.

– Ну-с-с-с-с-с! Что делать будем? Вы хоть понимаете, что это уникал! Понимаете? – Врач опять заходил по кабинету, и пальцы держал горочкой. – Мы должны сообщить мировому сообществу, потому что это единственный случай в Мировой практике! Единственный! Понимаете? – он опять поднял палец кверху, и Ваня посмотрел вверх. Но там был только потолок.

Ваня чуть не заснул от непонятки. При чём тут потолок? И что этот врач вообще от него хотел? Может Маня поймёт?

– А можно мне жену повидать? Мы посоветуемся.

– Какие могут быть советы! Скажите спасибо, если его у вас совсем не заберут!

– Как это? Заберут? Это же наш сын! Э-э-э-э! Не-е-е! «Моё дитячко рожено, хожено, и не будет мною брошено»!

– Это уже не ваш сын! Это уже достояние общественности!!! – доктор опять ткнул пальцем в потолок. – Такой феномен случается не каждый день! Учёное сообщество должно изучить, проанализировать, дать научное объяснение...

– Какое объяснение! Когда у нас с Маней почти до её сорока годов детей не было, никакого ваше сообщество на нас никакого внимания не обращало, и ничего нам не объясняло, а теперь, когда у нас маленький родился, они его отбирать, чтобы объяснять!!! Это что ж получается? «Беда не ходит одна»? – получается? «Беда да с победушками»? – получается? Это вы все на мою голову победушки и есть? – Ваня стал тыкать пальцем в грудь доктору, а потом и в пространство. – Не отдам!!! Ни за что не отдам...

– А у вас никто и спрашивать не будет! Если надо. Дас-с-с-с! Поймите, это же для всего Мира надо! Для всего-о-о-о-о!!! Для всего-о-о-о-о....

– А мне наплевать на весь ваш мир. Мне мой мир нужен. В моей семье. Во-о-от! А то, получается: «Хотел ехать **далее**, да кони встали»...?

– Да! Хорошо! Пойдёмте. Давайте-ка вы вначале свою жену повидаете. Поговорите с ней, посоветуетесь, решите. А там видно будет.

Врач довёл Ваню до палаты, впустил внутрь, а сам ушел.

Маша лежала на кровати очень посвежевшая и помолодевшая. Какая-то лицом побелевшая. Очень красивая. Мать, одним словом...

– Машенька, родная моя, я так рад! – У Вани в груди опять запело, зашкворчало и опять стало безвоздушно. Как будто воздухом надуло внутрь, как в шарик, и его стало прямо даже от пола отрывать. Он не знал, что и как ей про всё это сказать. Но Маша заговорила первая:

– Ванечка! Ты только не переживай! Всё будет хорошо! «Бог найдёт и в люди выведет». Мне ещё **та** бабка сказала. С молодыми глазами! Я сначала думала, что это всё бред сивой кобылы, но когда он с **этим** родился, сразу бабку и вспомнила. Она это мне ещё в прошлом году предсказала. Что мой сыночек будет не как все. С секретом. – Маня даже зашептала. – Только не сказала с каким. А теперь всё понятно, что это за секрет такой.

– Манечка, и что это за бабка за такая, и что она тебе ещё-то наговорила? – тоже шёпотом спросил Ваня. – Не к беде ли? Тьфу, тьфу... А то может и, правда, «Пойдёт дело, как по бархату, да как по маслу»!

Тогда Маня и рассказала всё про бабку. И про глаза, и про пальчики, и про всё остальное. И как бабка в воздухе растворилась. И про то, что тайна эта, которая и на самом деле появилась в их семье, будет разгадана только, когда у мальчика борода прорастёт.

Ваня как присел на краешек кровати, как рот распялил, так и сидел молча, Маню слушал. И становилась ему всё страшнее и страшнее. А по волосикам на спине ужасом повеяло, они даже дыбарём встали. Вот это да! Прямо сказка какая-то или про царевича, или про копытце козлиное. Но это всё в сказках, а в жизни так же не бывает?! Прямо: «Чего душа пожелала, того Бог и дал»? Правда, ведь?

– Маня! Ты таиии ужаси рассказываешь, каких на самом деле не может быть! Какая-то бабка, которая царевна, да ещё и в воздухе растаяла! Ты лучше давай решать – чего с мальчонком теперь делать? Они его у нас забрать хотят!

– Кто это они забрать! Я его никому не отдам! Ишь! Забрать. И кто?

– Какое-то мировое сообщество!

– Какое такое сообщество? Какое ему дело до нашего сыночка?

– А давай, Маня сбежим! Возьмём и сбежим куда-нибудь!

– И куда это мы с тобой побежим? «Аминь, аминь, а головой в овин»?

– А за тридевять земель, в тридесятое царство!

– А ты хоть знаешь, где оно, это царство-то?

– Понятия не имею, Маня. Но мы его найдём, ей Бо...!

Часть, следующая за второй

Долго ли сказка сказывается, коротко ли дело делается, но прошло с того дня аж пятнадцать годков! Дааааа!

Долгими путями-дорогами ходили Маня и Ваня по нашей чудесной стране туда-сюда, уходили за тридевять земель, прятались от людского любопытства и искали, где же находится тридесятое царство. А мальчонка-то подрастал и подрастал. Назвали они его назло всем – Робертом, а никакими ни русскими именами. Маня так решила:

Раз Бог дал им сына необыкновенного, значит он ПРЫНЦ, а раз так, то и имя ему будет заграничное, как у английской королевны. У ней – Альберт, а у Мани – Робэрт! «Где поведётся, там и на щепу придётся»!

Ваня на поводу не пошёл и звал сына по-своему – Роба. Мане не нравилось. Что ещё за роба? Как дерюга какая на грузчике, но Ваня упёрся рогом, как бык! Роба и всё тут. Маня, в конце концов, успокоилась. Ну, Роба, так Роба. Пускай будет роба, раз «Он в рубашке родился!» Но сама говорила с выражением и торжественно:

– РОБЭРТ!!!

А что, красиво ведь? Да? **РОБЭРТ!!!**

А помучиться им пришлось нехило. В ту ночь, когда они сбежали из больницы, цельный кипеш поднялся. Они правильно тогда подумали, что домой нельзя, там менты должны были набежать в засаду, но Ваня, он же хитрый! Он вначале подготовился.

Да-а-а... За два дня кой-какую мебелишку быстренько продал прямо во дворе, хотули собрал, и к соседу в деревню отвёз, а сам даже соседу ничего и не сказал. А чё ему говорить? Ваня на русский авось понадеялся. Как грится: «Авось небось родной брат». А у соседа деда поумирали, дом бесхозный почитай три года себе стоит, никому не нужный. Когда бабку последнюю хоронили, Ваня помогал. Вот и знал. Да там вся деревня, помяни её Господи, закончилась. Из сорока домов только в семи ещё бабки жили, а так пу-у-у-сто. Совсем пусто. А дедов ни в одном. «Пришла смерть по деду, не указывай на бабу».

Когда Ваня проводил «операцию ликвидации», Маня к этому готова была. Мальчонку уговорила у ней под сиськой допозна подержать. Сестричка и согласилась. А этаж-то первый! Чё там воровать! Перешагнул через подоконник, да и тикай, куда глаза глядят. А у них уже глядели на деревню. Вот они, не заходя в квартиру, и подались сразу в деревню. И во время.

А то уже началось! Какие-то заездили «светилы», как говорил врач, из району, а потом из самой Столицы грозились! А им с Маней это всё зачем? Им теперь жить надо, мальчонку поднимать надо, есть чего-то надо, опять же пелёнки, распашонки. Хотя народ и говорит: «Дал Бог ротик, даст и кусочек», но «Под лежащий камень и вода не затечёт». Хорошо, что Ваня всё бельишко из квартиры зацепил. Что и бросил там, то это всякую муру, типа хрустальных рюмок, да ковровой дорожки. Их и было то шесть штук в давку по очереди и с записью, да и давно.

В деревне они целых пять годов прожили. Хорошо жили. Нормально. Прямо: «Тишь да гладь, да Божья благодать»! Маня по хозяйству, в огороде, да над картошкой, а Ваня в соседней деревне, в колхозе стал работать, слесаря они везде и всегда, ой, как нужны! И всё бы хорошо, да Роба подрос уже большой и раз на речке с пацанами купался. Купались, купались, а потом трусы стали выкручивать, ну, его крантик кому-то на глаза и попался. А деревня она же радио имеет беспроводное, которое работает быстрее проводного, вот вечером в дом петиция и ввалилась из самых любопытных. Покажи, да расскажи! Понимаешь! А что он должен кому показывать? Вот он им всем и показал! Свой собственный!

– Натё, – грит, – смотрите! А если кому очень любопытно, можно даже потрогать!

Хоть «Русский человек – добрый человек», но, после этого пришлось им местожительство менять. Двинули они куда подальше. Там, сям понемногу жили, пока не оказались на берегу Чёрного моря.

Робе было уже четырнадцать годочков. Большой парень рос, красивый! Маня на него налюбоваться не могла. «Русы волосы сто рублей, буйна голова тысячу, а всему молодцу и цены нету»! Ростом пошёл в отца, явно собрался под два метра вымахать. Глаза голубые, все в мать, даже чем-то на ту загадочную молодуху-бабку похожи, как влажные. Волосы вьются, молочно-золотистого цвета, да как-то вьются необыкновенно, крупными локонами и по плечам, и по плечам, а в плечах с каждым годом всё ширей и ширей, хоть ещё и малец, но какой-то сбитый прямо рос.

Красавец на все сто! «Молодец, хоть во дворец»!

Только стал он ни с того, ни с сего, книжками увлекаться, и не просто обыкновенными книжками, а сказками. Маня, коне-е-е-шна, понимала. Как грится: «Сын у меня мой, да ум у него свой». Сам-то он как из сказки, вот на сказки и потянуло. Да так взялся читать, прямо цирк! Ни ест, ни пьёт, а всё носом в книжку!!! Даже ночью под одеялом с фонариком! «Кто больше знает, тому и книги в руки», это понятно, но это ж совсем невидаль какая-то прямо. У них раньше в доме и книжек-то не было. А кому читать? Ваня работал с утра до ночи, Маня по хозяйству, плюс огород, плюс пара свиней, корова, куры, гуси, утки и даже кролики!

Хорошо, что в Верхнем Мисхоре, где они стали жить, попался им домик с земелькой. Они сначала снимали у бабки Василисы угол, но бабка одинокая оказалась и стала им настоящей бабушкой. И за малым присматривала и так... по хозяйству Мане помогала, как своя, родная. А потом и померла как-то в одночасье, а когда они испугались, что надо опять куда-то перебираться, выяснилось, что бабка всё своё имущество им завещала. Вот они удивились! Да-а-а-а...! «На чужой стороне, а наша старушка – Божий дар»!

– Ма-а-аня-я-я! – обрадовался Ваня, хотя и жалко было бабку, хорошая была. – Это ж мы нашли наше счастье. За тридевять земель зашли, а счастье нашли, в этом удивительном тридесятном царстве с видом на море. Вот нам Бог дал, так и дал! А я знаю за что! «Не ела душа чесноку – не будет и вонять»! Это надо же!!!

А тут и время вдруг стало меняться. Всё-таки шёл уже девяносто шестой год, какие-то новые сплетни в воздухе залетали. Даже с наследством как-то быстро оформилось, без проводов. Так что с бытом было всё в порядке и даже действительно с видом на море. Правда, наученный горьким опытом, Роба при посторонних трусы больше не снимал, хотя и сидел с пацанами в море в свободное от сказок время.

Годочек шёл за годочком, Роберт рос и всё мужал и мужал. Уже и голос изменился, стал более к мужицкому, грубеть, и кадык вылез на молодой красивой шее, и вот-вот усы вроде как стали намечаться, тут Маня с Ваней и занервничали. Им всё чаще и чаще стала старуха-молодуха вспоминаться. Маня уже в сто десятый раз рассказывала про всю эту невидаль Ване, и даже Робе, а они всё повтори, да повтори...

А что повторять?

Маня за столько годов и сама половину забыла. Только что и помнила толком, то, что была она «Сама собой миленька, личико беленько». Можно даже сказать, что каждый раз что-нибудь, да привирала, раз Ваня с сыном просили. К Робертовому совершеннолетию из той, старой истории выросла какая-то совсем новая. И бабка окончательно превратилась в Царевну необыкновенной красоты, навреди, как будущий подарок. Будущая невеста. **А та загадка** в теле Роберта считалась сегодня настоящим подарком бабкиного колдовства. Они это чётко стали понимать. Только висел в воздухе, как вопросительный знак, непонятный вопрос, связанный с моментом произрастания бороды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.